



Живет в Королеве (Россия).

Росли

Ангелы- хранители парили
над засохшей корочкой зари.
Мы не пили, мы не говорили,
задирали головы, росли.

Словно вавилонских башен своды
золотые головы цвели.
Не на тарабарском - на свободном
лепетали и флажки несли.

Но куда же подевались ветры?
Нашим мамам снятся на беду
колыбели в сотнях километров,
как белье простыло на ветру...

Голосило, а потом простыло

и застывшим голосом висит.
Всё, что между нами колесило
места не находит и болит.

Там, в районе детского испуга
великаны бледные стоят.
Горести передают по кругу,
слёзы неумелые блестят.

Мы не говорили, но смотрели,
слушали, что с нами заодно
недалекий путь балконной двери
и рассвета голое окно.

Мотылёк

Отчего сплетено и забыто,
и отложено в долгие сны.
Что боялись рассудка и быта,
а еще водянистой весны.

Возродиться тогда приглашали,
раздавали на скидки талон.
Но мы в толпах бездарно смешались,
и укладывались под стекло.

О, подайте вулканов и бури,
размочите московский паёк...
Но в прощании домики курят,
и под лампой кричит мотылёк.

Чертополох

Проносишь воду мимо рек,
а слово - мимо рта.
И произносишь: человек,
как жизнь моя пуста.
Чертополох, чертополох,
проталины кругом.
И в горле душном тяжело
который год.

Который год - глухой порог,
и чернота в углах.
В лес за руки приводит Бог,
раскручивает страх.

Зажмурившись, на ощупь, вглубь,
вприсядку, набекрень
Непроходимый шепот губ
в немилый день.

Испепели, испепели
и тонкое упрочь.
Перенести меня вели
совсем в иную ночь.
Где осторожно за душой
таится птичий крик.
Где Бог не страшный,
не большой,
и не старик.

